

Худоян Тигран Арамович
Студент Челябинского государственного университета
3 курс, Институт права
Россия, г. Челябинск

САМОЗАЩИТА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

***Аннотация:** автор рассматривает природу самозащиту исключительного права и приходит к выводу, что самозащита интеллектуальных прав – это отдельная и независимая целенаправленная мера защиты, являясь, по сути, не относящейся к юрисдикционным мерам (непосредственные действия либо бездействие) субъекта права интеллектуальной собственности, предназначенные для защиты его собственных, субъективных интеллектуальных прав от незаконных посягательств других лиц.*

***Ключевые слова:** авторское право, исключительные права, самозащита прав.*

***Abstract:** the author considers the nature of self-defense of exclusive rights and comes to the conclusion that self-defense of intellectual rights is a separate and independent targeted measure of protection, being, in fact, not related to jurisdictional measures (direct actions or omissions) of the subject of intellectual property rights, designed to protect his own, subjective intellectual rights from illegal encroachments of others.*

***Key words:** copyright, exclusive rights, self-defense of rights.*

Членство Российской Федерации в Всемирной торговой организации (ВТО), полученное 22 августа 2012г. (РФ является 156-м членом данной международной организации) вызвало новые препятствия в процессе защиты интеллектуальной собственности. Что наряду с динамичным развитием

средств интеллектуальной деятельности требует рассмотрения более эффективных методов защиты интеллектуальных прав в российском правовом поле.

Преамбула Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС), свидетельствует о том, что взаимопонимание в ВТО, в области интеллектуальной собственности, достигнуто, «желая уменьшить искажения и препятствия на пути развития международной торговли и принимая во внимание необходимость содействия эффективной и адекватной охране прав интеллектуальной собственности и обеспечить, чтобы меры и процедуры по реализации прав интеллектуальной собственности сами не становились барьерами для законной торговли».

Эти современные обстоятельства требуют быстрой и всесторонней реакции на появляющиеся спорные ситуации. Здесь немаловажным и достаточно актуальным остается вопрос о нынешних российских методах защиты интеллектуальной собственности в области договорных (торговых) отношений, их особенностям.

В текущей работе мы раскроем эту проблематику в достаточно широком аспекте, поэтому рекомендуем, в том числе, изучить и другое наше аналитическое исследование [2].

Тут мы более детально разберемся в имеющихся на данный момент, в законодательстве РФ, инструментах касательно самостоятельной защиты интеллектуальных прав на уровне договорных отношений, как самого эффективного метода защиты нарушенных (или тех, что предполагаются) прав субъектов интеллектуальной собственности.

Мы учитываем тот факт, что защита на уровне юрисдикции имеет существенное значение в текущих нормах защиты интеллектуальных прав, но в то же время, самозащита иногда может быть хорошим альтернативным решением судебному процессу (и не только), медиации или третейскому разбирательству, ускорить процесс, оптимизировать затраты и средства

благодаря самостоятельному, оперативному и не затратному решению спорной ситуации с контрагентом (будущим или прошлым контрагентом).

Стоит подчеркнуть, что следуя исполнению возложенных на Российскую Федерацию, вступившую в ВТО, обязанностей по соответствию государственного законодательства требованиям международных договоров, который включены в пакет ВТО, в том числе и в области ТРИПС, 12 марта 2014г. были приняты значительные правки в ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), затрагивающие как непосредственно ст. 1250 ГК РФ о защите интеллектуальных прав, так и иные статьи соответствующего раздела ГК РФ.

Ч. 1 ст. 8 ГК Российской Федерации определяет условия возникновения гражданских прав и обязанностей, не ограничиваясь лишь объектами научных, литературных произведений, деятельности в области искусства и других областях интеллектуальной собственности; договорные отношения и прочие соглашения, требуемые законодательством, а также соглашения и договоры, которые не требуются законом, но в то же время, ему не перечат, и другие результаты гражданской и юридической деятельности.

Полагаем, что к указанным результатам деятельности относятся и противоправные действия (в том числе предполагаемые), и действия по защите (или самозащите) интеллектуальной собственности.

Как правило, законное право на защиту (или самозащиту) трактуется как регламентированная правовой или договорной нормой мера предполагаемых действий субъекта правоотношения, состоящая из перечня правовых действий.

В то же время, в правовом аспекте стоит различать применяемые мерами самозащиты абсолютные и относительные интеллектуальные права. Чеговадзе Л.А. подчеркивает, что объем и содержание обязанности регламентированы законодательством, а условия обязанности рассматриваются как рекомендации, суть которых становится более понятной в правоотношении...

опираясь на то, как правомочное лицо применяет свои законные правомочия [3].

Отметим, что в законах РФ не упоминается в какой-либо форме о мерах оперативного воздействия. В правовой литературе объективно подчеркивается, что почти все имеющиеся инструменты обеспечения исполнения обязательств (залог, штраф, поручительство третьих лиц, банковская гарантия, списание) являются вспомогательными методами защиты нарушенных прав (взыскание на имущество, находящееся под залогом, привлечение к ответственности поручителя, взыскание с поручителя денежной компенсации, невозвратность задатка у кредитора и прочее). Эксперт в области римского права Барон Ю. говорил: «чтобы не допустить потенциальное правонарушение и нивелировать или, если возможно, минимизировать последствия совершенного правонарушения, в римском праве применялись меры обеспечения (передача одним лицом другому обеспечения в исполнение наличной или возможной обязанности, передача вещи на хранение третьему лицу (секвестр), ввод во владение, опись имущества, право удержания, штраф)».

Многие эксперты считают, что особенностью указанных мер является то, что для субъекта защиты отсутствует необходимость обращения в соответствующие юрисдикционные инстанции и другие органы, однако, одновременно несут в себе для правонарушителя юридические основания и создают правовые последствия для правонарушителя в обязательном порядке.

Не согласны, также, мы с процедурами, которые отличаются от той, которая рассматривает меры оперативного воздействия, как деяния правообладателя субъекта с целью самозащиты гражданских прав как в договорных юридических отношениях в целом, так и интеллектуальных прав в частности. Наше видение базируется на исследовании правовых полномочий в рамках методов оперативного воздействия, которые можно объективно расценивать, как само понятие самозащиты, являющееся одним из

инструментов охраны гражданских и интеллектуальных прав, и предусматривающее применение инструментов правовой защиты, не обращаясь в органы юрисдикции.

Но в то же время, не стоит приравнивать инструменты оперативного воздействия к обобщенному методу защиты гражданских прав, которые регламентируются ст. 12 ГК Российской Федерации «прекращение или изменение правоотношения», так как они могут быть применены как инструмент самозащиты еще до участия юрисдикционного органа в процессе [1].

Список источников:

1. Егорова М.А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
2. Полозова Д.В. Об обязательственно-правовых и абсолютно-правовых способах защиты исключительных прав // Российское правосудие. 2013. № 12 (92).
3. Чеговадзе Л.А. Структура и состояние гражданского правоотношения. М., 2002.